

Хотя у каждого полицейского участка была чётко очерченная зона ответственности, в случае реального преступления вопрос о том, кто именно будет вести расследование, зачастую оставался весьма запутанным и зависел от множества факторов. Учитывались место совершения преступления, место обнаружения тела жертвы, место жительства подозреваемого, место жительства жертвы и так далее. И конечно, не последнюю роль играло прямое указание начальства - кому прикажут, тот и будет расследовать. Например, скандальное дело Убийцы с лентой в итоге спихнули на совершенно непричастный к нему район Рыбьего Хвоста.

В общем, всё зависело от конкретных обстоятельств дела. Бывало, что участки яростно перепихивали друг другу неудобные и бесперспективные дела, а за другие, сулящие славу и награды, разворачивалась настоящая борьба - все хотели их заполучить.

- ...Я несколько раз пыталась обратиться в полицию района Утун, но... никто не захотел браться за это дело, - госпожа Боент понуро опустила голову, её руки в отчаянии крепко сжимали складки старой юбки.

- ... - "Очевидно, это очень запутанное и, вероятно, опасное дело". Орвицка почувствовал, что ему тоже следовало бы проявить благоразумие и отказаться. В конце концов, это был Содман, столица интриг и порока, и чёрт его знает, какие влиятельные силы могли быть замешаны в этом деле. - Рассказывайте, госпожа. Когда вы закончите, мы вместе решим, что можно предпринять.

Госпожа Боент торопливо вытерла навернувшиеся на глаза слёзы:

- Спасибо... спасибо вам огромное, детектив Мондэйл! Спасибо, что согласились хотя бы выслушать меня!

На самом деле, эта самая госпожа Боент вчера тоже была на Белой Кирпичной Авеню. Она торговала там своими маленькими домашними булочками. Рядом с популярным фургончиком, где продавали аппетитную жареную курицу, её скромные булочки всегда расходились довольно быстро. Она своими глазами видела, как Орвицка, не раздумывая ни секунды, бросился на защиту той маленькой девочки. Он разительно отличался от тех неповоротливых, трусливых патрульных, которые при виде любой опасности всегда старались сделать вид, что ничего не замечают.

Он был именно таким, каким его описывали в газетах, - добрым, смелым и решительным королевским полицейским.

Госпожа Боент не стала тратить драгоценное время на лишние причитания и сразу перешла к сути дела, стараясь изложить всё как можно подробнее.

История, о которой она хотела поведать, началась почти двадцать лет назад, когда сама госпожа Боент была ещё молодой женщиной.

Хотя район Утун и считался престижным местом проживания для среднего и высшего класса, так же, как и в захудалом районе Рыбьего Хвоста имелась вполне приличная улица Подковы, где располагался полицейский участок и жильё для служащих, - так и в уважаемом районе Утун существовали свои бедные кварталы. Одним из таких была Денвер-авеню, где и проживали супруги Боент.

Там ютились в основном слуги, обслуживающие богачей из Утуна, уличные проститутки, а также разорившиеся и опустившиеся на дно бывшие жители Утуна. Супруги Боент принадлежали к иной категории. После смерти отца господина Боента его старший брат, ставший наследником, безжалостно вышвырнул его из родового дома. С собой у него было всего несколько жалких золотых гербов. В страшной спешке и отчаянии им пришлось перебраться с двумя маленькими детьми на Денвер-авеню.

Оказавшись в незнакомом, враждебном месте, супруги поначалу были охвачены растерянностью и страхом, но вскоре с удивлением обнаружили, что местные жители, несмотря на свою вопиющую бедность, оказались на удивление приветливыми, добрыми и всегда готовыми прийти на помощь.

И все они в один голос твердили супругам Боент, что когда-то и они не были такими добродетельными, были эгоистичными, мелочными и озлобленными на весь мир демонами, но всё изменила Церковь Славы, обратившая их на путь истинный, и теперь каждый из них был её ревностным последователем.

По их настоятельной рекомендации господин Боент устроился бухгалтером в местную контору по прокату карет. Разумеется, эта контора тоже являлась собственностью всемогущей Церкви Славы.

- ...Полагаю, вы уже догадались, что дело, о котором я хочу вам рассказать, неразрывно связано с Церковью Славы, - с горечью проговорила госпожа Боент. - Вы совершенно правы, это именно так. Всё началось с того, что я заметила одну очень странную вещь: у одной моей тогдашней знакомой госпожи внезапно бесследно исчез её шестилетний сын. Но, что самое поразительное, никто из окружающих не выказал ни малейшего удивления по этому поводу, их жизнь продолжалась так, словно ничего не произошло! Мне следовало тогда же понять, что здесь что-то нечисто, не следовало лезть с расспросами, но в то время я была просто наивной, глупой девчонкой...

Орвицка нахмурился. В ту эпоху на Западном континенте всё ещё наблюдался бурный расцвет всевозможных церквей и религиозных течений, что порождало серьёзную проблему: среди вновь возникающих культов были не только те, что действительно проповедовали добро и милосердие, но и немало откровенно деструктивных и опасных сект.

- ...Я всё-таки спросила. И те женщины поведали мне, что их семьи - глубоко верующие последователи Церкви Славы, а всех детей в Церкви Славы принято "воспитывать централизованно". Всех детей без исключения - мальчиков отправляют в престижную частную школу при церкви, где они получают образование наравне с детьми из самых знатных и влиятельных семей. В будущем, по окончании обучения, они гарантированно займут достойное место в обществе, станут как минимум управляющими или доверенными служащими в домах высшего света. Девочек же направляют в не менее престижную женскую школу при церкви. Впоследствии часть из них посвящает себя служению Богу и становится монахинями, другая часть - высококвалифицированными и востребованными служанками, а самых одарённых и красивых девочек даже могут удочерить знатные семьи из верхушки церковной иерархии, и они станут настоящими благородными госпожами.

- И вы поверили?

- Поначалу - нет, не поверила. Хотя я и сама не могла похвастаться знатным происхождением, я всё же хотя бы краем глаза видела ту, другую жизнь. Я знала, что существуют социальные пропасти, которые невозможно преодолеть. Втайне я поделилась своими сомнениями с одной

из своих тогдашних подруг. Она радушно пригласила меня посетить следующее ежегодное торжественное собрание церкви. И тогда... тогда я увидела тех детей своими глазами! Мальчики и девочки были одеты в нарядные, дорогие одежды, их лица сияли от счастья, они звонко смеялись, и каждый из них держался с удивительным достоинством и воспитанностью. Они прекрасно разбирались в нотах и текстах священных гимнов! После окончания торжественных песнопений их организованно вывели из зала. Дети шли аккуратным строем, каждый демонстрировал безупречную дисциплину и манеры. Кареты, которые прибыли за ними, тоже были невероятно роскошными и огромными, такие могли позволить себе лишь самые богатые и знатные семьи. Моя подруга тогда сказала мне с понимающей улыбкой, что они, конечно, осознают, что будущее этих детей, возможно, будет не таким уж безоблачным, и многие девочки, скорее всего, станут содержанками каких-нибудь влиятельных вельмож. Но... разве это так уж плохо?

Госпожа Боент с тревогой взглянула на Орвицку. Убедившись, что он слушает внимательно, без нетерпения или отвращения, она продолжила свой рассказ.

- Мы с мужем и нашими детьми тогда ютились в крохотной каморке, чуть больше вашей приёмной. Там едва помещались две шаткие двухъярусные кровати. У нас не было своей кухни, готовить приходилось на примитивной угольной печи - мы даже не могли позволить себе купить дорогую эссенцию каменного угля! В нашей комнате не было туалета и умывальника, приходилось пользоваться общим, грязным и зловонным общественным нужником. Соседи, хоть и были по-своему дружелюбны и приветливы, отличались крайней грубостью и невоспитанностью. Когда я водила нашу дочку в туалет, я не раз натыкалась на пьяных соседей, забывших запереть за собой дверь. А наши соседки, занимавшиеся известным ремеслом, без стеснения приводили домой клиентов. Они даже осмеливались спрашивать у моей маленькой дочери, сколько она стоит! Мой муж, помимо основной работы бухгалтером, начал подрабатывать извозом, деля с кем-то старую карету. Я дома тоже не сидела сложа руки, усердно занималась вышивкой. Мы зарабатывали, копили каждую медную монетку, но деньги всё равно утекали сквозь пальцы, как песок. Наш сын и дочь... даже если их отец научил их основам грамоты и счёта, какая судьба ждала их в будущем? Могло ли быть что-то хуже, чем наша нынешняя беспросветная нищета? Так я рассуждала тогда. Посоветовавшись с мужем, мы... приняли решение вступить в Церковь Славы. Пробыв кандидатами в члены в течение года, то есть исправно внося каждый месяц по 50 айко, мы наконец стали полноправными членами церкви, и наши дети получили заветное право на централизованное воспитание. В тот знаменательный день церковь прислала за ними великолепную, богато украшенную карету. Люди, приехавшие забрать их, были чрезвычайно любезны и обходительны, они привезли с собой совершенно новую, красивую одежду и нарядили наших детей так, словно они были настоящими юными господами и госпожами...

Орвицка уже мог с лёгкостью представить, что произошло дальше. Его мрачные предчувствия, увы, полностью оправдались.

Супруги Боент, полные радужных надежд, продолжали самоотверженно трудиться, каждый месяц аккуратно внося членские взносы в церковную казну. Они даже старались платить немного больше положенного, выражая таким образом свою искреннюю благодарность церкви за заботу об их детях. Поначалу на ежегодных торжествах им ещё позволяли видеться со своими сыном и дочерью, но потом и эта возможность исчезла. Местный священник объяснил это тем, что дети повзрослели и их перевели в более престижные учебные заведения в других городах, поэтому им стало трудно приезжать каждый год. И они, наивные, поверили ему.

Так продолжалось долгих пять лет, пока господин Боент серьёзно не заболел. Чувствуя приближение конца, он выразил отчаянное желание перед смертью ещё хотя бы раз увидеть

своих детей. Священник милостиво пообещал исполнить его просьбу, но дети так и не приехали. Госпожа Боент хотела дождаться их возвращения, чтобы они могли проститься с отцом, прежде чем предать его тело земле.

Однако всего через два часа после того, как господин Боент испустил последний вздох, его так называемые братья по вере бесцеремонно ворвались в их убогую комнатуху, схватили тело и грубо захихнули его в дешёвый, тонкостенный гроб - совсем не тот, что госпожа Боент с любовью и скорбью приготовила для своего мужа. Они даже не удосужились отправить тело в похоронное бюро! Там не только обмывают и одевают усопших согласно обычаям, но и проводят хотя бы минимальную обработку для сохранения тела. Несмотря на свою бедность, госпожа Боент внесла залог за проведение этой стандартной процедуры для своего мужа.

Под отчаянные, полные ужаса крики госпожи Боент, тело её мужа вынесли и отнесли прямо в крематорий, расположенный за зданием церкви. Сожгли только само тело, а тот жалкий тонкий гроб даже оставили валяться рядом. Прах несчастного господина Боента грубо смели в какую-то картонную коробку и бесцеремонно сунули её в руки оцепеневшей от горя госпоже Боент.

Но самое страшное ждало её впереди. Когда госпожа Боент, осознав тщетность своих протестов и возражений, вернулась домой, прижимая к груди урну с прахом мужа, она с ужасом обнаружила, что в её доме уже хозяйничают совершенно чужие люди!

- "Господин Боент перед самой смертью завещал всё своё имущество церкви", - холодно заявили они ей. Я протестовала, кричала, что это ложь, обращалась в полицию, но хитрый священник тут же предъявил завещание моего мужа! Я твердила, что это не его подпись, но мои соседи, коллеги мужа по каретной конторе, двое уважаемых в нашей общине джентльменов - все как один подтвердили под присягой, что это действительно почерк моего мужа! Я осталась совершенно одна, без гроша в кармане, без крыши над головой... Если бы один добрый, сердобольный человек тайно не сунул мне в руку два золотых герба, я бы просто умерла с голоду на улице!

Отбирать последнее имущество у несчастной вдовы - само по себе деяние гнусное и подлое. Но если рассказ госпожи Боент был правдой, то действия Церкви Славы были втрое омерзительнее и бесчеловечнее.

Орвицка снова невольно взглянул на руки госпожи Боент. Хотя у всех трудящихся людей руки обычно костлявые, с выступающими суставами, у госпожи Боент несколько суставов были неестественно увеличены, а пальцы заметно искривлены. Это был ревматизм, болезнь, которую Орвицка часто видел у бедняков, вынужденных жить и работать в сырости и холоде.

Пять лет назад руки госпожи Боент, по всей видимости, уже были серьёзно поражены болезнью. Она упоминала, что раньше зарабатывала на жизнь вышивкой, но в то время, даже если она ещё и могла держать иглу, её производительность была несравнимо ниже, чем в молодости.

Потеряв трудоспособность, она утратила для церкви всякую ценность.

Господин Боент всю свою жизнь отдал работе на каретную контору, принадлежавшую церкви. Двоих их детей забрала церковь, и до сих пор об их судьбе ничего не было известно. Эта так называемая Церковь Славы использовала людей до последней капли крови, выжимая из них все соки, а затем безжалостно выбрасывала на обочину жизни.

Госпожа Боент дрожащими руками достала из-за пазухи маленький, потёртый кошелек и

положила его на журнальный столик:

- Детектив Мондэйл, я не стремлюсь вернуть какое-то имущество или получить денежную компенсацию. Я также не хочу навлекать на вас из-за меня слишком большие неприятности. Я просто... я просто хочу знать... что стало с моими детьми... живы ли они...

"Все члены этой проклятой церкви заслуживают самой мучительной смерти!" - подумал Орвицка, но не стал в порыве гнева бить кулаком по столу и опрометчиво обещать немедленно взяться за это дело. Ситуация кардинально отличалась от дела старого мерзавца Баниса. Орвицка сильно сомневался, что содманские сутяги и продажные законники станут всерьёз связываться с королевской полицией из-за какого-то выжившего из ума старика. А честные и принципиальные адвокаты тем более не стали бы чинить ему препятствий.

Но церковь - это было совсем другое дело. У Орвицки теперь была своя семья, своё дело, и он должен был постоянно учитывать интересы и положение всего Рода Крови. Как бы он сам ни презирал большинство своих сородичей, он всё же был их Наследным принцем, и его еженедельное содержание тоже поступало из казны Рода Крови. Он совершенно не хотел своими необдуманными действиями спровоцировать открытую войну между Родом Крови и могущественными религиозными силами.

- Я помогу вам расследовать это дело, - наконец произнёс он твёрдо. - Но вы не можете возвращаться домой. Я немедленно найду для вас безопасное место для проживания.

Госпожа Боент испуганно вздрогнула и съёжилась, но, посмотрев в решительные глаза Орвицки, закусил пересохшие губы:

- Я полностью доверяю вам, детектив Мондэйл. Я сделаю всё, как вы скажете.

Орвицка вышел из приёмной, на мгновение задумался и позвал Литана Серто (одного из верных ему оборотней), поручив ему немедленно устроить госпожу Боент в безопасное место:

- Отвези её в городок, передай под опеку Педро и Ивира.

- Будет исполнено, не беспокойтесь, - Литан кивнул. Теперь Берёзовый город был полностью и безраздельно под контролем Орвицки. Не только искалеченные войной оборотни были ему безгранично преданы, но и местные крестьяне, и рабочие, за исключением лишь горстки самых ленивых и невежественных, были его верными и преданными сторонниками.

Литан тут же отправился готовить карету. Орвицка же, разумеется, первым делом направился к Далиану, чтобы спросить, не слышал ли он чего-нибудь о зловещей Церкви Славы.

- Церковь Славы? Впервые слышу, - Далиан решительно покачал головой.

- Раз ты о ней не слышал, может ли это означать, что эта церковь никак не связана с Родом Крови?

- На самом деле, у многих крупных и влиятельных церквей существуют свои дочерние ответвления с другими названиями, - однако ответ Далиана был не слишком обнадеживающим. - Эти ответвления зачастую выполняют для основной структуры самую грязную и неблагоприятную работу. И раз уж Церковь Славы смогла так прочно укрепиться в Содмане, значит, за ней наверняка стоят какие-то могущественные покровители... О её положении и связях мы можем расспросить Большого Мака и Максима. Большой Мак лучше осведомлён о делах людей, а Максим - о делах Рода Крови.

- Максим? Кто это? А! Вспомнил... - Орвицка смущённо улыбнулся.

Далиан в ответ весело рассмеялся - этому бедолаге Максиму действительно хронически не везло.

- Апчхи! - Максим, находившийся в это время где-то далеко и отчаянно торговавшийся с какими-то тёмными личностями по поводу акций пенициллинового завода, внезапно почувствовал неприятный холодок, пробежавший по спине.

Поскольку Максима не было на месте, первым делом, конечно, обратились к Большому Маку. Предложение Далиана оказалось на удивление верным. Услышав название "Церковь Славы", Большой Мак тут же утвердительно закивал:

- А, знаю я эту Церковь Славы. Несколько лет назад они пытались активно распространять своё учение и в нашем районе Рыбьего Хвоста, но их быстро вытеснили могущественные конкуренты - Церковь Света и Церковь Истинного Сияния. Зато в некоторых кварталах Чёрного района они очень даже преуспели, потому что активно помогали новообращённым найти хоть какую-то работу. Кстати, говорят, что Змей из банды Молота - чуть ли не святой этой самой Церкви Славы.

Змей из банды Молота... От этого имени у Орвицки возникло странное, смутное чувство дежавю. Он слышал о нём всего несколько месяцев назад, но теперь казалось, будто это было в какой-то прошлой жизни.

- Такой отпетый подонок - и вдруг "святой"? Невероятно!

- Об этом вы можете подробнее расспросить Билла. Два... нет, пожалуй, уже три с лишним года назад? Я тогда ещё слышал, что членский взнос в Церкви Славы составляет целых 50 айко в месяц, и больше как-то не обращал на неё особого внимания. Э-э, может, ещё у Шультона спросить? В некоторых вопросах он всегда бывает повнимательнее и осведомлённее меня.

Вот это был действительно сюрприз! Большой Мак рекомендует Шультона? Орвицка был уверен, что он способен только обзывать Шультона подхалимом и лизоблюдом.

Но, к сожалению, рекомендованный Шультон тоже оказался не в курсе подробностей.

- Я как-то услышал, что по их правилам детей нужно в обязательном порядке отдавать на централизованное воспитание, и сразу же решил держаться от них как можно дальше, - Шультон выглядел немного виноватым. - Я, конечно, верю, что иногда с неба падают пироги, но уж точно не такие огромные и подозрительные.

Хотя это было досадно, с другой стороны, и Шультон, и Большой Мак проявили себя как люди здравомыслящие, интуитивно понимающие, к чему опасно прикасаться.

Поэтому перед самым уходом с работы Орвицка решил навестить Билла.

- Эти проклятые дьяволы из Церкви Славы снова собираются сунуться сюда?! - услышав, о ком именно спрашивает Орвицка, Билл мгновенно побагровел от ярости и закатал рукава, словно готовясь к драке.

В прошлый раз Орвицка видел такую испепеляющую жажду убийства во взгляде Билла только по отношению к Тому Матрейсу, этому малолетнему чудовищу во плоти.

- Я просто слышал о них от других. В районе Рыбьего Хвоста нет Церкви Славы.

Услышав это, Билл с трудом перевёл дух и тяжело опустился на стул:

- Что именно вы хотите знать?

- Абсолютно всё, что вам известно. Пожалуйста, расскажите мне всё.

- ...Это настоящие демоны, ужасные, беспощадные демоны! Хотя поначалу мы, наивные дураки, принимали их за ангелов...

По словам Билла, на самом деле Церковь Славы начала свою экспансию в районе Рыбьего Хвоста ещё пять-шесть лет назад. Большой Мак и другие полицейские узнали о ней лишь три года назад.

Центральным постулатом учения Церкви Славы была идея о том, что "все люди - братья и сёстры, должны помогать друг другу и брать от общества по потребностям". Вступившие в церковь получали возможность работать на многочисленных предприятиях, принадлежавших Церкви Славы. Хотя их заработная плата была значительно ниже рыночной, церковь предоставляла им бесплатное жильё и бесплатное медицинское обслуживание, а их детей забирали на так называемое "централизованное воспитание". Детям обещали блестящее будущее: они должны были получить прекрасное образование в элитных церковных школах и занять в жизни гораздо лучшее положение, чем их родители.

Конечно, находились и родители, которые не хотели расставаться со своими детьми, но их заработки были настолько мизерны, что им едва хватало на жизнь. Хотя им не нужно было платить за убогое жильё, они были обязаны вносить ежемесячные членские взносы, а также покупать еду и одежду - причём исключительно в церковных лавках. Качество товаров там было ничуть не выше, чем в обычных магазинах, зато цены были как минимум на треть выше рыночных.

За исключением того, что им не нужно было беспокоиться о ночлеге под открытым небом, на самом деле качество жизни рядовых последователей Церкви Славы было ничуть не выше, а зачастую даже ниже, чем у других бедняков. Верующие довольно быстро осознавали горькую правду: единственный способ хоть как-то выжить и дать детям шанс на лучшую долю - это отдать их церкви.

Однако поначалу, со стороны, казалось, что уровень жизни верующих в церкви был всё же несколько выше, чем у обычных обитателей трущоб. Но по мере стремительного роста и расширения Церкви Славы ей становилось всё труднее выполнять свои обещания. Вероятно, как раз через два года после того, как полиция, включая Большого Мака, обратила внимание на Церковь Славы, у неё уже элементарно не хватало предприятий и рабочих мест, чтобы обеспечить работой всех желающих. Кроме того, её агрессивная экспансия начала негативно сказываться на количестве прихожан в других местных церквях и, что немаловажно, на доходах могущественной банды Крюка.

В то время отец Билла был ещё жив и полон сил. Он с самого начала не верил в бескорыстие и добродетель всех членов этой церкви. Проведя небольшое собственное расследование, он быстро нашёл неопровержимые доказательства их мошенничества: куда исчезала огромная прибыль, создаваемая трудом рабочих? Почему смертность в хваленой бесплатной церковной медицине была поразительно высокой? И, самое главное, куда на самом деле пропадали дети, которых забирали у родителей?

Но не успела банда Крюка начать полномасштабное официальное расследование, как местное отделение Церкви Света нанесло упреждающий удар. Десятки измождённых, оборванных мальчишек внезапно появились на улицах района Рыбьего Хвоста, с плачем бросаясь к своим родителям. Все мальчики были одеты в рванье, их лица покрывал толстый слой угольной пыли, а четверо из них оказались искалечены на всю жизнь.

Они со слезами рассказывали родителям о своих невыносимых страданиях. Оказалось, что после того, как их забрали лживые вербовщики из Церкви Славы, их продали, как скот, на одну из угольных шахт на юге Нортонской империи. Лишь по счастливой случайности добрый и сострадательный священник Церкви Света выкупил их из рабства и спас от верной гибели.

Более того, эти несчастные дети поведали и о судьбе других детей, увезённых вместе с ними. Никакой обещанной школы и в помине не было! Их вывезли на карете за пределы города, в какую-то глухую, Богом забытую деревню. Там в карету ворвалась толпа незнакомых, свирепых мужчин средних лет, ничуть не похожих на учителей, и отобрала самых красивых и здоровых детей.

Затем карета снова тронулась в путь. На этот раз их привезли в ужасное место, заваленное горами мусора, где их уже поджидала другая толпа покупателей. Они выкрикивали цены, торговались, кому-то нужны были дети постарше, кому-то - наоборот, худые и маленькие мальчики, способные пролезть в самые узкие штольни, кому-то - дети с определённым цветом волос. В общем, в зависимости от специфических требований покупателей, их разбирали разные люди, словно бездушный товар.

Оставшихся девочек и мальчиков разделили. Мальчиков погрузили в товарный вагон и отправили в долгое путешествие. Через двое суток изнурительной дороги их вышвырнули из вагона и безжалостно загнали под землю, в тёмные и опасные угольные шахты.

Дети, конечно, были физически слабее взрослых, но их маленькое, худощавое телосложение позволяло им ползать с тяжёлыми корзинами угля в таких узких и низких забоях, куда не мог протиснуться ни один взрослый шахтёр. Поэтому дети были весьма востребованными "рабочими" на некоторых шахтах юга Нортонской империи - дешёвой и легко заменяемой рабочей силой.

Этот священник, спасший мальчиков, был настоящим пастырем Божьим, истинным служителем света, который посвятил свою жизнь путешествиям по самым отдалённым уголкам страны, выкупая и спасая несчастных детей из адских условий шахтёрского рабства.

Верующие района Рыбьего Хвоста пришли в неописуемую ярость. Огромная, разгневанная толпа хлынула к церкви Церкви Славы, требуя немедленных объяснений. В ответ на их гневные крики из дверей церкви вышел тот самый священник, который раньше казался им таким добрым, кротким и сострадательным. Но теперь его лицо искажала злобная гримаса. Он с презрением оглядел толпу и прошипел:

- Вы, ничтожное, вонючее дерьмо! Чему вы удивляетесь, узнав о жизни этих вырожденков? Чем их нынешнее существование отличается от той скотской жизни, которую они вели рядом с вами? Разве это не та самая жизнь, которую заслуживаете вы и вам подобные?!

Судьба этого негодяя, который посмел подливать масла в огонь перед лицом разъярённой, обезумевшей от горя и гнева толпы, была предрешена. Его растоптали. В самом прямом, физическом смысле этого слова. Кроме огромной лужи крови у входа, после расправы люди не смогли найти ни единого кусочка, ни единого клочка, который доказывал бы, что этот человек

когда-то существовал.

Величественное здание церкви, где люди когда-то со смирением и благоговением возносили молитвы, было разобрано до последнего камня голыми руками разгневанных прихожан всего за несколько часов.

Из более чем двухсот проповедников и служителей Церкви Славы, действовавших в районе Рыбьего Хвоста, спастись удалось лишь двенадцати - все остальные были безжалостно растерзаны толпой. А этим двенадцати счастливицам удалось бежать лишь благодаря своевременной помощи, оказанной соседней бандой Молота из Чёрного района. Дальнейшие события Орвицка уже знал - именно это и стало причиной кровавой войны между двумя бандами, разразившейся три года назад.

Всё больше бывших докеров перебиралось на работу на фабрики и заводы, но они по-прежнему больше доверяли старой банде Крюка, чем местной банде Молота. Они объединялись под крылом банды Крюка и не спешили переходить на сторону банды Молота вместе со сменой рода деятельности. Появление Церкви Славы коренным образом изменило эту ситуацию. Особенно потому, что рабочие жили в домах, предоставленных церковью, и трудились на её же фабриках, они, естественно, стали более послушны указаниям церковных пастырей.

А эти самые пастыри, как выяснилось позже, изначально были членами банды Молота.

Кто бы мог подумать? Оказывается, жестокая война между двумя районами, разразившаяся три года назад, была ещё и своего рода небольшой, но кровопролитной религиозной войной. В общем, обе стороны яростно сражались друг с другом, неся тяжёлые потери, а дальнейшее развитие событий привело к той ситуации, которая сложилась на данный момент.

<http://bllate.org/book/17916/1715853>